

ЭПИЛОГ

ГРОЗИТ ЛИ СТРАНЕ РЕВОЛЮЦИЯ?

Современное государство, объявляющее инакомыслие своих граждан государственным преступлением, само является преступным государством. Поэтому революция против такого государства – категорический императив. Но гуманисты всех времен всегда выступали против любых войн и революций по морально-этическим соображениям.

„Ужасно всякое кровопролитие, дважды ужасно кровопролитие в братоубийственной войне” – такова моральная философия гуманистов. Даже диктаторы и тираны после того, как они в море крови завладели властью, тоже становятся на точку зрения гуманистов. „Всякая революция ужасна, дважды ужасна кровавая революция”, – внушают они втихомолку своему народу. Узурпировав власть народа через монопартийную Октябрьскую революцию, кровавую гражданскую и через еще более кровавую колхозную войну, большевики тоже стали „гуманистами”. Они внушили и внушают угнетенным народам СССР два заведомо ложных тезиса:

1) в СССР нет антагонистических классов, нет угнетателей и угнетаемых, а потому нет почвы и причин для новой революции;

2) антиреволюционная, полицейская мощь режима так сильна и так всеохватывающа, что всякая попытка свергнуть коммунистическую партократию заранее обречена на катастрофу.

В своей „антиреволюционной философии” совет-

ские „гуманисты” зашли так далеко, что в Программе партии, принятой на XXII съезде (1961), даже в отношении Запада они стали проповедовать „мирную революцию”. Вот что там говорится:

„Рабочий класс и его авангард — марксистско-ленинские партии стремятся осуществить социалистическую революцию *мирным способом*” (XXII съезд КПСС, Стеногр. отчет, т.3, стр. 256; выделено в оригинале. — А.А.).

Заметим мимоходом, что этот „мирный способ” китайцы объявили грубейшей ревизией ленинизма (в чем они правы), допуская и всерьез, что большевики отказались от кровавых революций в тылу западных стран и стран „третьего мира” (в чем они ошибаются).

„Мирный способ” имеет два адресата: нуждающиеся в иллюзиях „деидеологизации” и „конвергенции” западные леволиберальные круги и начинающий просыпаться от полувекового летаргического сна советский народ. Народ приходит в движение, он начинает политически мыслить и философски вопрошать: откуда пошла есть большевистская Русь? Кем же, собственно, был Ленин? Почему из него вышел Сталин? Почему из Сталина вышел полицейский „социализм в одной стране” вместо обещанного „классиками” нового общества материального изобилия и духовных свобод? Да, народ приходит в движение. Это движение все еще подобно айсбергу, поэтому мы видим только его верхушку — растущую армию так называемых инакомыслящих. Кремль видит весь айсберг и поэтому знает больше. Еженедельно на письменные столы членов Политбюро ложится строго секретное, самое интересное полицейское чтиво в мире: оперативные сводки КГБ о „внутреннем положении в СССР”, составленные из

наиболее сочных вытяжек информации сексотов о том, что в действительности думает советский народ — в цехах, на полях, в учреждениях, школах, лабораториях, армии, коммунальных кухнях, очередях, на свадьбах и похоронах — о своих правителях. Не из тошнотворных писаний „Правды” и „Известий”, а из этих трезвых, сухих, правдивых сводок чекистов (вот где „соцреализм”!) владыки Кремля черпают информацию об истинных чаяниях и думах народа. Не только из творчества Самиздата, но из реакции на него советских идеологов видно: так продолжаться дальше не может, советская тирания себя исчерпала — нужна радикальная перемена! Однако наследники Сталина придумали провокационный, примитивный и в перспективе своей паллиативный план борьбы с подобными настроениями в народе. Они разработали стратегию эксплуатации народных чаяний в интересах продления жизни режима. „Контролируемая властью сверху эволюция, а не давление народа снизу приведет к перемене”, — такова новая негласная стратегия чекистов. Тот факт, что ее проповедают не только советские вольные или невольные Зубатовы, вроде братьев Медведевых, но и некоторые инакомыслящие, свидетельствует лишь о высоком классе криминального искусства агентов-провокаторов КГБ. Новая стратегия продиктована глубоким затаенным страхом режима перед потенциальным взрывом снизу: перед новой революцией, призраки которой величавой, почти зримой поступью бродят по СССР.

*

Встает вопрос: задача ли инакомыслящих в СССР, не говоря уже о политической эмиграции, оказывать

объективную помощь чекистам, зарекаясь поддерживать революцию, когда он становится неизбежной? Солженицын определенно думает, что всякая насильственная революция вредна, а ее выигрыш, в случае даже ее победоносного исхода, сомнителен. Чтобы быть точным, процитирую самого Солженицына:

„...должен и я сознаться, что из русской истории стал я противником всяких вообще революций и военных потрясений, значит, и в будущем тоже: и тех, которых вы жаждете (*не у нас*), и тех которых вы опасаетесь (*у нас*). Изучением я убедился, что массовые кровавые революции всегда губительны для народов, среди которых они происходят” („Письмо вождям Советского Союза”, ИМКА-пресс, Париж, стр. 43).

Дальше, на той же странице, Солженицын приходит к очень важному заключению:

„Всяким поспешным сотрясением смена нынешнего руководства (всей пирамиды) на других персон могла бы вызвать лишь новую уничтожающую борьбу и наверняка очень сомнительный выигрыш в качестве руководства”.

Оба эти утверждения не могут не вызвать у историка серьезного возражения. Лично мне кажется, что первое утверждение ошибочно исторически, а второе — политически, хотя оно и выражено гипотетически. Начнем с последнего. Хуже „нынешнего руководства (всей пирамиды)” может быть только другое большевистское руководство, скажем, как руководство Сталина было хуже руководства Ленина, но у нас ведь речь идет не о смене глав олигархии, а о смене самого олигархического режима.

Что же может быть хуже такого режима? История знает много вариантов олигархической тирании, но

она не знает ни одного другого, который был бы хуже большевистской тирании. По существу первого утверждения приходится говорить подробно, хотя бы потому, что оно было (и есть) самым распространенным предрассудком как раз среди писателей и гуманистов. Как бы гуманисты ни проклинали революцию и как бы социологи ни спорили о ее правомерности, революции и войны — такие же закономерные явления в обществе нового времени, как землетрясения в природе и инфаркт сердца у людей (образно говоря, революция и есть инфаркт сердца у дряхлого социального организма). Разница только та, что бедствия в природе не зависят от нашей воли и поэтому не поддаются нашему воздействию, тогда как войну и революцию можно предупредить: первую — безусловной капитуляцией перед потенциальным агрессором, а вторую — рабской покорностью тиранам. Однако история учит, что происходило всегда обратное.

Почему ошибочно в такой обобщающей форме утверждение, что „...революции всегда губительны для народов, среди которых они происходят”?

*

Революция как резкий политический и социальный переворот — понятие относительно новое, хотя само слово известно еще древним римлянам (тогда оно употреблялось как раз в противоположном смысле — в смысле эволюции). Прежде всего, не все революции обязательно „массовые, кровавые”. Революции бывают насильственные и мирные, мгновенные (Португалия) и длительные (гражданская война). Насильственные революции — спутники всех тиранических режимов. Эпоха насильственных рево-

люций началась с длительной Английской революции XVII века, которая ценой многих жертв и казни английского короля кончилась, в конечном счете, провозглашением в Англии современной, воистину самой демократической в мире парламентской монархии. Хотя английская революция оказала мало влияния на континентальную Европу, тем не менее она во многом способствовала пробуждению к политической жизни английских колоний в Америке и созданию, первоначально из тринадцати штатов, нового государства и новой нации — современных США (1776). Симптоматично, что отцы американской нации свою Войну за независимость тоже называют революцией, а не колониально-освободительной войной против метрополии. Через тринадцать лет (1789) произошла Великая французская революция, насильственная, кровавая, которая ценой многих жертв и казни короля и королевы (но не малолетних царских детей, как это сделал „великий гуманист XX века” — Ленин) создала не только демократическую Францию, но и открыла новую эпоху духовной и политической эмансипации во всей остальной Европе. Серия насильственных революций 1848-1849 гг. во Франции, Германии, Австро-Венгрии, Италии окончательно похоронила остатки абсолютизма и феодализма и заложила основы правовых государств в этих странах. Русский абсолютизм щадил судьба от революционных потрясений сотню лет, но тем мощнее были запоздалые взрывы.

Правда, после кровавой революции 1905 года последовала мирная Февральская революция 1917 г., власть сменилась почти без жертв и без казни главы династии. „Россия сейчас самая свободная страна в мире”, — писал Ленин в знаменитых „Апрельских тезисах” о новой, февральской России. Против этой

„самой свободной страны” Ленин и его партия организовали новую революцию, в результате которой началась самая кровавая гражданская война, кончившаяся установлением режима перманентной инквизиции. Вот эта Октябрьская революция большевиков и открыла другую эпоху — эпоху массовых кровавых революций: китайской коммунистической революции, вьетнамской коммунистической революции, восточноевропейских коммунистических революций на штыках советских оккупационных войск. Важно тут же отметить кардинальный факт: все революции на Западе, в том числе и русская Февральская революция 1917 г., были *стихийными народными революциями* с ограниченными жертвами, в то время как *все коммунистические революции, начиная с Октябрьской, были организованными монопартийными революциями* с максимальными жертвами. Была между ними и другая, столь же фундаментальная разница: *режимы, созданные народными революциями на Западе, как и в России Февральской революцией, были режимами гарантированных политических свобод и гражданских прав для всех, без различия расы, религии, политических взглядов, а все режимы, созданные коммунистическими революциями, — тиранические*, при которых народ — быдло, а партия — владыка. Стало быть, надо проводить различие между революциями, которые, даже применяя насилие, уничтожают тиранию и устанавливают правовой строй, и революциями, которые, уничтожая правовой строй, устанавливают новую, на этот раз уже тоталитарную, тиранию, которую автор этих строк назвал „тоталитарной партократией”.

*

Проблему можно поставить более резко: терпима ли перманентная духовная и физическая тирания в стране, лишь бы при ее свержении не riskовать пролитием крови? Выражаясь опять-таки образно: терпима ли раковая опухоль в здоровом организме, лишь бы при ее удалении путем операции (революции!) не пролить кровь? Слабость доводов гуманистов против революций из-за возможных жертв становится совсем очевидной, если мы сравним количество потенциальных жертв любой антикоммунистической революции с многомиллионными жертвами „мирного” сталинского режима. Солженицын называет, ссылаясь на проф. И.А.Курганова, цифру этих жертв: 66 миллионов — „...помимо двух мировых войн, мы потеряли от одних гражданских раздоров и неурядиц, от одного внутреннего „классового”, политического и экономического уничтожения — 66 (шестьдесят шесть) миллионов человек!!!” (там же, стр. 26).

Как упоминалось, революции бывают не только кровавые, насильственные, но и бескровные, мирные. Бескровной может оказаться (подобно недавней мирной революции в Испании) и будущая революция в СССР, если будет создано такое *массовое давление народа*, что прогнивший антинародный режим побоится риска пустить в ход оружие, чтобы оно не обернулось против него, как это часто бывало в истории и как это недавно было в Португалии после почти полувекового господства диктатуры. Конечно, мне тут же возразят: где вы видели, чтобы господствующий класс без сопротивления уступил свою власть народу? На это ответить легко и за примерами далеко ходить не надо: мы это видели два раза в той же России: 2 марта 1917 г. царь Николай II добровольно отказался (конечно, было давле-

ние!) от власти (трона) за себя и за сына — малолетнего наследника Алексея в пользу брата, великого князя Михаила Александровича, а 3 марта Михаил добровольно отказался (конечно, было давление!) от трона в пользу народа.

Фиксируем: *мирный переход власти в руки народа возможен при всеобщем давлении народа!*

Но бывают перевороты на верхах (одной части господствующего класса против другой его части), которые по своим результатам могут оказаться равнозначными революции. В этом плане самым идеальным мирным вариантом революции в СССР явился бы „дворцовый переворот” с антикоммунистической идеологией или „военный переворот” без всякой идеологии.

*

Ленин был прав, когда утверждал, что коренной вопрос всякой революции — вопрос о власти. Всякая революция нацелена на захват власти, чтобы при ее помощи устранить факторы — политические, экономические, социальные, — тормозящие прогресс нации и процветание государства. Под этим углом зрения надо рассматривать и ситуацию, которая ныне сложилась в СССР. Говоря об этой ситуации, надо спросить самих себя: происходит ли в СССР поступательное движение вперед, как нас уверяют официальные идеологи, или система, исчерпав свои первоначальные возможности, совершает „бег на месте”? Если „бег на месте”, то какие факторы стали тормозами поступательного движения?

На эту тему можно написать целый трактат с самыми убийственными данными из советской действительности, но для нашей цели ограничимся на-

броском общей картины, которую может отрицать лишь закоренелый догматик или безнадежный тупица.

Промышленность. Первая индустриальная революция в СССР до войны была революцией *экстенсивной, количественной индустриализации*, когда ее результаты мерили числом тонн и штук, произведенных мускульной силой человека. Поэтому, пока был Сталин и „Архипелаг ГУЛаг”, ее успехи были очевидны. Вторая, послевоенная индустриальная революция есть революция *интенсивной, качественной индустриализации*, когда ее результаты меряют глубиной развития научно-технической мысли и широтой, разворотом технологии во всех отраслях народного хозяйства. Поэтому даже новый Сталин и новый „ГУЛаг” тут делу не помогли бы. Чтобы строить Волго-Донской канал, Воркуту, Колыму и прочие „великие стройки коммунизма”, достаточно было одной грубой физической силы для приведения человека в механическое движение, но чтобы заставить того же человека *творчески мыслить и духовно творить*, нужна не ограниченная никакими новоявленными партийными мракобесами *творческая свобода*. Вот здесь владыки Кремля завели страну в технологический тупик, о котором с таким знанием дела рассказал этим же владыкам академик А.Д.Сахаров в своем знаменитом „Меморандуме”.

Земледелие. Аграрная революция большевиков („Декрет о земле” 26.10.17), передавшая всю землю в собственность крестьян, была прогрессивным актом, но колхозная революция Сталина (27.12.29), передавшая не только всю землю, но и всех крестьян в собственность партии, создала в СССР новый, худший тип крепостного права — партийно-государственное крепостничество. Результат: перманентный

кризис недопроизводства продукции земледелия, высокая себестоимость самой продукции, низкая производительность сельскохозяйственного труда (втрое ниже, чем в США, по официальному признанию), убогий стандарт жизни колхозников — и все это при продолжающейся механизации, химизации и высоких капиталовложениях государства в сельское хозяйство. Самая богатая и самая большая земля, кормившая до революции не только собственный народ, но и Европу, страна, занимавшая до революции второе, после США, место по экспорту хлеба на мировом рынке, теперь живет импортом картофеля из Франции, масла из „Общего рынка“, хлеба из Канады и США. Таким образом, и в земледелии владыки Кремля завели страну в безысходный тупик, о котором Солженицын пишет „вождям“:

„Ведь стыдно, ведь пора же очнуться! Деревня, на которой веками стояла Россия, стала главной слабостью ее! ... один выход у нас быть сытою страной: отказаться от принудительных колхозов...” (там же, стр. 29).

Культура. Когда умножилось число студентов из колониальных стран в залах Оксфорда, Сорбонны и Гарварда, обозначилась гибель великих колониальных империй Запада. То же самое ожидает теперь и большевистскую империю не только в отношении ее колоний, но и самой метрополии. Ленин был прав — человек неграмотный стоит вне политики, потому что ему (Ленину) так легко и удалось массовой социальной демагогией на немецкие деньги разложить неграмотную, сплошь мужицкую армию и завладеть властью. Культурная революция большевиков, превратив СССР в страну всеобщей грамотности и многомиллионной интеллигенции, впервые сделала советского человека, по Аристотелю, „политиче-

ским животным”. Успехи большевиков здесь велики, и в этих успехах они уже сами чувствуют неизбежность своей гибели. Сегодня число ежегодных выпускников-студентов из вузов и техникумов в несколько раз выше числа всех интеллектуальных работников в старой России. Ученых же в СССР вчетверо больше, чем было всех студентов в старой России. Однако до сих пор это тоже была революция экстенсивная, количественная, революция культуры вширь („ликвидация неграмотности” и „подготовка кадров”), но теперь началась интенсивная, качественная, духовная революция вглубь, когда непреложным условием дальнейшего прогресса становится снятие всех догматических барьеров узколобой „партийности” в науке, технике, литературе, искусстве. Большевики произвели великую культурную революцию в стране. Ее первой жертвой стало невежество, ее последней жертвой будут сами большевики.

*

Такова в общих чертах картина сегодняшнего советского общества со всеми его действительно антагонистическими противоречиями. Есть ли выход из этих противоречий на путях реформ, но без революции? По Марксу (которого советские олигархи считают своим вероучителем), получается, что в таком новоклассовом обществе, как советское, действует лишь один имманентный „закон революции”. Этот „закон” прямо просится в будущий некролог советской тирании:

„Общий результат, к которому я пришел и который послужил затем руководящей нитью во всех моих дальнейших исследованиях, можно кратко

формулировать следующим образом. В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка... На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением этого — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции” (К.Маркс. Предисловие „К критике политической экономии”, М., 1949, стр. 7).

Когда и в каком обществе приходили в столь кричащее противоречие интересы дальнейшего развития „материальных производительных сил” с существующими „производственными отношениями”, как в нынешнем советском обществе? Когда-то прогрессивные производственные отношения, давшие крестьянам землю, стране — индустриализацию, народу — культурную революцию (хотя и неоправданно высокой ценой), со временем выродились: в экономике — в застой, в культуре — в мракобесие, в политике — в тиранию. Из былых форм развития производительных сил советские производственные отношения действительно превратились в их оковы. Где же выход?

Мудрецы из Политбюро вновь вспомнили Ленина и за спасением обратились... к мировому капитализму! Ленин согласен:

„Мало буржуазию побеждать, надо ее заставить на нас работать... Управлять хозяйством мы можем тогда, если коммунисты сумеют построить это хозяйство чужими руками” (XI съезд РКП(б). Стенограф. отчет, 1961, стр. 31).

„Чужими руками” (технология) и с чужой помощью (кредиты) — из Америки, Германии, Италии, Франции, Японии, то есть при помощи „реакционного, прогнившего, умирающего капитализма”, — большевики решили перехитрить даже Маркса и предотвратить социальную революцию.

Однако при ближайшем рассмотрении взглядов Ленина на революцию выясняется, что он, будучи организатором коммунистической системы властвования, является вместе с тем и пророком ее неизбежной гибели, если его ученики допустят *кризис вождения масс*, основанный на противопоставлении советских „верхов” советским „низам”. Как раз из такого кризиса Ленин выводит свой собственный „основной закон революции”. Вот формулировка этого закона Лениным:

„Основной закон революции, подтвержденный всеми революциями и, в частности, всеми тремя русскими революциями в XX в., состоит вот в чем: для революции недостаточно, чтобы эксплуатируемые и угнетенные массы сознали невозможность жить по-старому и потребовали изменения; для революции необходимо, чтобы эксплуататоры не могли жить и управлять по-старому. *Лишь тогда, когда „низы” не хотят старого и когда „верхи” не могут*

по-старому, лишь тогда революция может победить” (Соч., т. XXV, 3-е изд., стр. 223; выделено мною. — А.А.).

Сами же советские эксплуататоры, „верхи”, за-свидетельствовали нам, что они не могут управлять по-старому, по-сталински, и заявили об этом на весь мир, разоблачив своего духовного отца — полубога Сталина (XX и XXII съезды КПСС). Что же касается „низов”, то они не мирились с существующей системой ни раньше, ни теперь, иначе не надо было бы держать миллионы людей в заключении, содержать гигантский аппарат политической полиции и десятки корпусов внутренних жандармских войск КГБ и МВД, вновь расширять сеть концлагерей и открывать новые психотюрьмы, а весь советский народ изолировать за плотным „железным занавесом” от всего внешнего мира. Прав был Макиавелли: „Правитель, который боится своего собственного народа больше, чем иностранцев, — должен строить тюрьмы” и держать народ в изоляции от соседних государств...

*

Поставщики идеологической сивухи из ЦК могут заметить: Маркс и Ленин имеют в виду классовое общество, а у нас бесклассовое общество „развитого социализма”, поэтому их „законы революции” для нас недействительны. С таким аргументом можно было выступать в тридцатые годы, когда советский народ все еще учился в „ликбезах” и „избачитальнях”, а сомнение в безгрешности изобретателя „бесклассового общества” — Сталина — каралось смертью. Повторение этого же аргумента в наше время свидетельствует об абсолютном неуважении

партаппаратчиков к мыслительной способности образованного советского общества.

Сначала выясним значение термина „класс” в марксистско-ленинском понимании. Общеизвестное определение принадлежит Ленину и коротко гласит: класс — определенная группа людей, имеющих одинаковое отношение к средствам производства (класс капиталистов, владеющих средствами производства, класс пролетариев, владеющих лишь своей рабочей силой, класс помещиков, владеющих землей, класс крестьян, зависящих от помещиков). Октябрьская революция и коммунистическая диктатура ликвидировали все владельческие классы, заодно даже старую интеллигенцию и класс крестьян. Остались два трудовых класса — пролетариат (переименованный Сталиным из „советского пролетариата” в советский „рабочий класс”) и колхозники. Но вместо ликвидированных старых владельческих классов появились новые. Причем их владельческая природа так гениально завуалирована, что со стороны создается впечатление, что советским государством и всерьез руководят бессребреники. В СССР все средства производства принадлежат государству, стало быть, говорят нам партийные казуисты, все советские люди — от генсека до колхозника — имеют „одинаковое отношение к средствам производства”. Партийные казуисты намеренно наводят тень на плетень. Советская общественная формация — совершенно уникальная формация. Тут дефиниции и категории, которыми мы оперируем при изучении досоветского общества, не только не помогают в анализе, а наоборот, запутывают и затемняют проблему. Не помогает здесь и Ленин, полагающий, к тому же, что советским государством может управлять каждая кухарка и что советский

министр будет получать зарплату не больше этой кухарки (см. „Апрельские тезисы”). Поэтому при определении класса в коммунистическом государстве надо руководствоваться другим принципом. В основу определения класса в СССР должны лечь два критерия:

а) отношение людей к органам власти, а значит — к органам распределения социального продукта в государстве;

б) место людей в социальной пирамиде советского общества.

Префразируя Ленина, можно сформулировать так: класс в советском обществе — это определенная группа людей, имеющих одинаковое отношение к органам власти и распределения и занимающих одинаковое „ранговое” место в социальной пирамиде общества. В свете данного определения легко разглядеть анатомию советского общества: в нем, как и в старом обществе, имеются „трудящиеся классы” — пролетариат, колхозники и интеллигенция; в нем имеются и совершенно „новые классы”: ведущий руководящий класс — корпус партаппаратчиков, правящий класс — генералитет, чекистский корпус, хозяйственный корпус, советско-административный корпус, профсоюзная бюрократия, идеологическая бюрократия, комсомольская бюрократия. Вот эти классы и являются в советских условиях владельческими классами. Источник их владения — власть. В досоветском обществе *богатство — источник власти*, в советском обществе, наоборот, *власть — источник богатства*. Богатство это, разумеется, не наследуемое, не „реализуемое” и в своих размерах ограниченное. Однако пока Брежнев генсек — он богаче Рокфеллера. Да, власть „новых классов”, как и богатство, не наследственна, но она

вполне преемственна, — дети советских руководителей как родились на вершине пирамиды общества, так и остаются там после ухода отцов, дети детей тоже унаследуют те же места.

Вход в „новые классы” (в другом месте я их называл „социально-деловыми группами”) для 95% населения СССР герметически закрыт, ибо в „новые классы” возможно попасть только через КПСС, а в КПСС состоит только 5% всех советских граждан. Да и принадлежность к партии тоже не делает человека автоматически членом „новых классов”. В партии состоит 16 млн. человек — из них меньше половины входит в господствующие „новые классы” по причинам деловым и количественным: во-первых, чтобы туда попасть, надо иметь диплом и выслужиться перед партаппаратом; во-вторых, количество вакансий в „новых классах” ограничено числом более или менее постоянных мест в социально-властной пирамиде государства (политическая и ведомственная бюрократия). Аморальные методы вновь образующихся капиталистических классов, описанных Марксом в „Капитале”, просто бледнеют перед той ужасающей вакханалией безнравственности, в которую погружены кандидаты в „новые классы”, — чтобы туда попасть, и представители „новых классов” — чтобы там остаться.

Социальное „либидо” исторического большевизма — власть — сама стала теперь „капиталом”, стоимостью, которая приносит „прибавочную стоимость”. Между уровнем материальной обеспеченности советского гражданина и его отношением к власти существует прямая функциональная связь. Другими словами, стандарт жизни советского гражданина прямо пропорционален месту, которое он занимает на ступени социально-властной пирами-

ды. Поэтому борьба за место в „новых классах” становится не просто борьбой за власть, а борьбой за личное материальное благополучие. Вот почему новая советская буржуазия так же мало брезгует в этой борьбе аморальными средствами для достижения своей цели, как и „акулы” капитализма Маркса. Есть, конечно, и разница: мы точно знаем источники и уровень доходов западных буржуа, ибо эти сведения открыто публикуются в печати, мы знаем также источники и размер жалованья руководителей западных правительств, ибо и эти сведения публикуются в печати, но советский человек ничего не знает о том, сколько получают члены ЦК, министры, секретари обкомов, председатели, директора... Доходы советской высшей бюрократии — тайна, куда более строго охраняемая, чем тайна советского вооружения. Значит, есть что скрывать от народа (чего стоит, например, одна лишь коллекция зарубежных автомобилей генсека). Но достаточно уже и того, что известно всем: кроме высокой зарплаты, в 10-20 раз превышающей оклад среднего советского инженера, советская высшая бюрократия пользуется бесчисленными привилегиями: бесплатные дачи, особняки, квартиры, личные и казенные машины, прислуга, закрытые распределители, бесплатные курорты для всей семьи, оплаченные внутренние и заграничные поездки. Словом, представители советских господствующих классов живут как при полном коммунизме: работают по способностям, получают по потребностям!

Представители „новых классов” наделены высокоразвитым классовым сознанием, корпоративным духом общности своих интересов, высокомерным чувством собственного превосходства над простонародьем, собственной новоклассовой — по су-

шеству, чисто мещанской — этикой в быту. Неписанный закон биологического размножения „новых классов” — заключение браков внутри этих же классов. Если бывают исключения, скажем, дочь генерала вышла замуж за парикмахера или сын министра женился на доярке, — то это целая трагедия в знатных семьях и материал для конфликта в советских бытовых романах. Так что теория о „бесклассовом советском обществе” — политическая сказка для детей дошкольного возраста. Если наличие антагонистических классов есть условие разворачивания классовой борьбы, а эта последняя неизбежно приводит, по Марксу и Ленину, к революции, то и в этом случае СССР находится на путях к революции.

*

Маркс — отец закона „имманентной революции” — говорил, что насилие в революции играет роль „повивальной бабки”, когда старое общество беременно революцией и роды неизбежны. Революционеры лишь помогают безболезненным родам и принимают младенца. Как борьба классов является движущей силой исторического развития, так и революции, по Марксу, — „локомотивы истории”. С другого конца подошел к этому вопросу Ленин. Если Маркс — фаталист революции („имманентность революции”), то Ленин — ее волюнтарист („организованная революция”). У Ленина есть целое политическое исследование на эту тему. По Ленину, революции и революционной ситуации может и не быть, но и то и другое можно и нужно организовать. Как? „Дайте нам организацию революционеров, и мы перевернем Россию”, — сказал он („Что делать?”, 1902) — и перевернул. Какое основание сомневать-

ся, что у Ленина могут найтись подражатели и перевернуть Россию еще раз, на этот раз уже против ленинской тирании?

В этой связи интересно заглянуть в будущее и попытаться уловить вероятное направление развития освободительной мысли в СССР. Всеобщее чувство фатальной обреченности вечно жить под тиранией — всегда было вернейшим союзником Сталина. Смерть Сталина, а потом и его разоблачение самими сталинцами показали народу, что люди, убившие своего вчерашнего полубога, способны на все. Когда же и сам главный „богоубийца” — Хрущев — пал жертвой заговорщиков-предателей из среды его собственных учеников, то народ окончательно убедился: у большевиков священна лишь одна власть. Отсюда и произошло то „чудо”, которое старшему поколению советских людей и не снилось: в СССР появились Демократическое движение, движение евреев за свободу выезда из СССР, движение крымских татар за возвращение в Крым, движение советских интеллектуалов за гражданские права, появился Самиздат. Появились знаменосцы восставшего свободного духа — Солженицын, Сахаров, Максимов, Григоренко, Буковский, Галансков, Литвинов, Амальрик, Черновол, Джемилев. Этот процесс начался в конце 60-х годов (апрель 1968 года — первый выпуск „Хроники текущих событий”), ему чекисты наносили и наносят чувствительные удары, людей бросают в тюрьмы, психотюрьмы, „выдворяют” за границу, но все это тщетно: „Свято место не бывает пусто”, — напомнил Максимов. Начавшийся процесс духовной и политической эмансипации есть исторически необратимый процесс. Так как кагебисты полны решимости попытаться сделать необратимое обратимым, а для этого стать на путь эскалации насилия,

то они сами провоцируют возникновение, рядом с Демократическим движением либералов („инакомыслящих”), совершенно нового Освободительного движения революционеров. Тогда на подпольной арене СССР появятся новые имена с новой политической программой, с новой революционной стратегией и тактикой, с новыми методами борьбы — не за „исправление” режима тирании, а за его ликвидацию. В арсенале этого Движения может оказаться все старое классическое оружие борьбы плюс то, которое выработала сама революционная лаборатория большевизма, плюс то, которое ныне разработано двойниками большевистских „экссов” на Западе.

*

Если кагебисты своими непрекращающимися провокациями и все растущим террором против инакомыслящих разбудят былую нацию Желябовых и Гриневицких, Перовских и Каляевых и зальют страну еще небывалым в ее истории контртеррором, то в этом им придется винить только самих себя.

Я хочу быть правильно понятым — я не проповедую террор, я ставлю лишь *диагноз* — что есть, и выдвигаю *прогноз* — что может быть. Нелепо винить врача за диагноз страшной болезни пациента на основании ее симптомов. Он их не вызвал, он их только установил. Нелепо его обвинять и за прогноз об ужасном исходе болезни, если не будут приняты надлежащие меры. У чекистов и партаппаратчиков не очень широкий выбор таких мер: либо радикальные реформы сверху (типа „Великих реформ” Александра II и „Манифеста 17 октября” 1905 г. Николая II), либо новая инквизиция сталинского типа. Но увы, и то, и другое одинаково невероятно — вла-

дыкам Кремля не хватает ни ума русских царей, ни воли бывшего советского тирана. Отсюда – перспектива неизбежности революции, которая может оказаться и длительным, весьма болезненным процессом, если партийная реакция будет продолжать свирепствовать, и одноактным, бескровным действием, если она преклонится перед волей народа.

1974 г.

*

Как раз процессы над Орловым, Гинзбургом, Щаранским, Гамсахурдия, Костава и Пяткусом показали, что советское диссидентство – органическое порождение внутренних условий – стало не только непременным спутником „советского образа жизни”, но и фактором большой международной политики. Сколько бы ни неистовствовали башибузуки из КГБ и как бы громко ни взывали к духу Сталина идеологические шаманы из ЦК, – движение вспять практически уже невозможно. Конечно, теоретически такая ситуация не исключается. Из истории мы знаем много случаев реставраций абсолютистских и даже тиранических режимов. Возможна теоретически реставрация сталинской практики правления и в Советском Союзе, но для этого надо: 1) восстановить систему перманентных чисток от потенциальных „врагов народа” и провести по стране, партии, армии, полиции универсальную Великую чистку с доведением ежегодного контингента концлагерей до сталинской нормы – 10-15 млн. человек; 2) восстановить довоенные сталинские трудовые законы с прикреплением к производству советских граждан и с уголовным преследованием за их нарушение;

3) восстановить власть политической полиции над партией и государством; 4) восстановить сталинский „железный занавес”, прервав все технические, научные, культурные, спортивные связи с заграницей; 5) самое главное — для осуществления этих мер найти в Кремле или вокруг него нового Сталина, но такого, который, в силу новых условий, по крайней мере вдвое должен превосходить оригинал. Я не считаю, что нынешние политические доживальщики из Кремля в состоянии стать на этот путь, а тем более найти нового Сталина. Все, на что они способны, — это загнать диссидентское движение в подполье с тем, чтобы диссидентство уступило место зловещему феномену, который так хорошо известен из русской истории и который так актуален сегодня на Западе, — *революционному терроризму*.

Иные исторические катастрофы с крушением господствующих режимов провоцировались самими этими режимами. Иные тиранические режимы погибали в силу непоследовательности своей тирании. Сталинская тирания оказалась неуязвимой и долговечной именно из-за своего внутреннего совершенства — она была не только тоталитарной, но и тотальной. Послесталинский режим оказался „квадратурой круга” в политике: сохранив систему правления Сталина, его ученики решили управлять ею не по-сталински, а по-новому — сочетая тиранию с кусочками свободы, малый террор с большой „профилактикой”, умеренное мракобесие с контролируемым „вольнодумством”. Но тогда система правления начала буксовать, а советское общество — выходить из повиновения. Дилемма оказалась ясной и неумолимой: или последовательная сталинская система — тогда назад, к Сталину, или последовательная демократизация системы — тогда „спуск на тормо-

зах”. Нет никакого сомнения, что сторонники первой линии — неосталинисты — сейчас одержали победу. Но одно дело одержать победу на заседаниях Политбюро, другое — реализовать эту победу в масштабе всей страны, которая живет все-таки 25 лет без Сталина, с поколением, знающим злодеяния Сталина не только из рассказов старших, но и из решений XX и XXII съездов самой партии. Стараясь вернуть страну к сталинским порядкам, расширяя и углубляя духовный и физический террор, неосталинисты как раз и действуют как „агенты-provокаторы” истории против собственного режима. Я завидую будущим историкам, которые, читая протоколы Политбюро и архивы КГБ, выведут на свет Божий все дремучее тупоумие этих provокаторов как главную причину гибели советского режима.

В чем же provокация? В самом простом и самом очевидном: духовный террор сталинщины обозляет интеллигенцию, физический террор против легальных деятелей правозащитного движения подстрекает людей к экстремистским действиям. Кто терроризирует легальное движение в защиту советских законов и советских прав, тот provоцирует возникновение нелегального движения против всех законов и всей системы. Этого хотят незадачливые власти из Кремля? Ведь у них сигналов более чем достаточно.

Выстрел Ильина в членов Политбюро, военное восстание на корабле в Балтийском море, серия диверсионных актов в Прибалтике и Грузии, взрыв в московском метро, поджог московского отеля, увод и попытки увода самолетов, убийство министра внутренних дел и его двух помощников в Азербайджане, — это только те террористические акты, которые Москва не сумела утаить от внешнего мира.

Враги советского режима — не диссиденты. Его враги не сидят в Вашингтоне или даже в Пекине. Они сидят в КГБ и ЦК КПСС. Но надо сказать, что в первую очередь они враги самим себе. Они, как кроты, роют подземные ходы под обветшалое здание собственной власти, у них, как и у кротов, отличный слух, чтобы упиваться собственными голосами о мнимом „политико-моральном единстве партии и народа”, но у них слабое зрение, чтобы видеть страшную действительность — гниение „зрелого социализма”, выражающееся в поляризации социальных контрастов, в беззаконии властей, коррупции чиновников, одичании нравов. Псевдосоциалистическая экономика, которая хвасталась своими высокими темпами, когда труд был принудительным, а индустриализация была количественной, *экстенсивной* (сколько производить), зашла в тупик, когда труд стал относительно свободным, а индустриализация качественной, *интенсивной* (как производить). Нужна была вторая индустриальная революция на Западе, где мускулы рабочего уступили первенство уму ученого и гению изобретателя, чтобы на деле проиллюстрировать банкротство хозяйственной системы „зрелого социализма” в ее пресловутом „соревновании” с „загнивающим капитализмом”.

Для определения эффективности любой экономической системы существует только одно мерило: уровень материальной жизни народа. После шестидесяти лет невероятных жертв и страданий СССР занял по этому уровню только 24-е место в мире! В ФРГ, где после войны начали „строительство капитализма” буквально с нуля (вся промышленность была разрушена и уцелевшие машины были демонтированы победителями), сейчас народ живет в триче-

тыре раза лучше, чем советские люди при „зрелом социализме”. В чем же причина? Причина в экономической неэффективности советской политической системы. Догматическая политика насилует разумные законы развития экономики. Догматические учреждения мешают стихийным экономическим импульсам. „Надстройка” убивает „базис”. Но как мы это видели, именно Маркс предсказал неизбежность социальной революции, когда „надстройка” превращается в оковы развития „базиса”. Я думаю, что „зрелый социализм” перезрел для такой революции, а партийно-полицейская верхушка Кремля стала ее невольным, но вернейшим союзником.